
ТРАНСВЕРСАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОВРЕМЕННАЯ НАРЦИССИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

О.Н. Павлова

Кафедра психологии, социальной работы
и психологического консультирования
Психологический факультет
Национальный институт им. Екатерины Великой
Красноказарменный проезд, 14а, Москва, Россия, 111250

Сегодняшний мир может быть описан в системе координат, основными параметрами которой являются вариабельность бытия, плюрализм, «рациональный хаос», сложность и нелинейность человеческой активности, научная парадигмальная ризоматичность. В связи с трансформациями реальности идентичность человека носит трансверсальный характер: тысячи поверхностей, имеющих общее пересечение. Выделенной трансверсалью является нарциссизм в его маргинальных негативных проявлениях, отвечающих за нарастающие нарциссические тенденции человеческой субъективности.

Ключевые слова: трансверсальность, шизоанализ, нарциссизм, нарциссическая личность, психоанализ, андрогиния, субъективность.

Каждая культурно-историческая эпоха порождает определенный набор жизненных доминант, которые воспринимаются как норма, стиль и образ жизни, формируя господствующее в социуме мировоззрение и индивидуальную субъективность человека. В этом отношении современный этап в истории развития человеческой субъективности может быть определен как кризисный. Основная идея кризиса может быть символически представлена в виде контрапункта, совмещающего в себе две трансформационные тенденции: снаружи вовнутрь и внутри вовне по отношению к самому человеку. С внешней (социумной) стороны наблюдается отсутствие единого интеллектуального пространства с устоявшейся иерархией общепринятых ценностей.

Современный мир представляет собой совокупность разных культур, типов и стилей мышления, сосуществующих совместно как многонациональное сообщество в разных кварталах города-мегаполиса, например Нью-Йорка. На смену древовидной системе учений с ярко выраженным центральным стволом пришла парадигмальная ризома, структура, не имеющая центра, обладающая тенденциями центростремительности и центробежности.

Основными определяющими моментами рассмотрения любых областей человеческой активности (как социальной, так и личностной) становятся сложность, нелинейность и вытекающие из них изменения, в базисе которых лежит посыл о принципиальной вариабельности бытия, характеризующегося плюрализмом, взаимосплетением и «рациональным хаосом». Возможно, эта отчетливо обозначившаяся специфика в областях современного знания и культуры заложена предпосылками трансформаций, происходящих внутри самого человека?

Нет сомнений, что с другой, внутренней стороны (из глубин субъективности) также поступают трансформационные дериваты, связанные со следующими факторами. Эпоха запрета на сексуальность в середине прошлого столетия на фоне

все большего раскрепощения бессознательных подавленных сексуальных драйвов (в основном связанная с «женским освобождением» в результате подъема феминистического движения), которые создали лучшие условия для свободы проявлений сексуальности как во внутриличностных, так и в социумных контекстах, незаметно перетекла в фазу нетабуированной, безграничной свободы проявлений личности и прежде всего — сексуальности.

Все это есть веские причины, приведшие к новому историческому периоду в эволюции психики, который, по мнению многих современных исследователей разных областей знания, можно по праву считать *Эрой нарциссизма*, самую нарциссическую суть которой отражает известное нам из латыни выражение «*Per aspera ad astra*», т.е. «через тернии к звездам».

Например, Герберт Валь, психоаналитик, дает имя современному времени — «Эпоха нарциссизма». Жиль Липовецкий, современный французский философ и социолог, издает книгу, где он предпринимает философско-культурологическое исследование нарциссизма, называя сегодняшний день «Эрой пустоты» или «временем нарцисса». Кристофер Лэш, американский историк и критик культуры, в своей книге «Культура нарциссизма» исследует корни, нарастание факторов нарциссичности человека и специфику процесса нормализации патологического нарциссизма для современного сообщества. Он объявляет современную культуру нарциссической по своей сути и проявлениям [8. С. 78; 41. С. 93; 2]. И это всего лишь малая толика примеров из огромного числа исследований разных направлений гуманитарных наук. Тем самым, происходящие события во внутренней вселенной современного *Homo sapiens* вынуждают нас констатировать факторы радикального перерождения, которое происходит у нас на глазах и которое каждый из нас в разной степени осознанности чувствует — возникновение «человека нового типа» — *Homo perfectus* — с сильной детерминантой нарциссичности.

В связи острой актуальностью заявленной проблемы нарциссизм — не «кабинетный» психоаналитический, а цивилизационный феномен, впервые в истории получивший теоретическое осмысление в психоанализе, — может быть в очередной раз заявлен как объект современного научного рассмотрения. «Сколько ни сделано открытий в стране себялюбия, там еще осталось вдоволь неисследованных земель», — отметил Ларошфуко в своих «Максимах» более трехсот лет назад [7. С. 4].

Глобален вклад З. Фрейда в изучение нарциссизма: в своей работе «О нарциссизме», опубликованной в 1914 г., он обобщает свои идеи, изложенные фрагментарно в более ранних работах, создавая интегрированный конструкт феномена и вырабатывая свою концепцию нарциссизма [11]. Многие теоретики психоанализа вслед за З. Фрейдом продолжили развивать различные направления в концептуальном поле нарциссизма — К. Абрахам, И. Садгер, О. Ранк, Лу Андреас-Саломе и др.; в более позднее, близкое к современному время — О. Кернберг, Х. Кохут, Б. Грюнберже, Г. Розенфельд.

На сегодняшний момент времени ризома психоаналитических теорий нарциссизма имеет четко выраженную тенденцию деления на два разных, хотя и имеющих общие точки соприкосновения, парадигмально разнородных множества,

каждое из которых объединяет в себе теоретически близкие концепции; при этом одни продолжают видение и понимание нарциссизма, предложенное З. Фрейдом, другие предлагают к рассмотрению идеи, не вошедшие в фрейдовское осмысление.

Концептуальный Рубикон проходит по символическому пониманию феномена нарциссизма.

В первом фрейдовском смысловом подходе к нарциссизму используется овидиевская трактовка мифологемы нарциссизма: Нарцисс смотрит в зеркало вод; любуясь своим отражением, он не может оторваться от него и погибает от «неразделенной» любви к себе самому.

Вторая альтернативная интерпретация мифа, инициированная Л. Андреас-Саломе, предлагает оценить ситуацию с Нарциссом в несколько ином ключе: Нарцисс заглянув в зеркало природы, осознает свою отделенность от нее, свою собственную ограниченность, ущербность и отсутствие всемогущества, которые он чувствовал в своей природной фузионности — соединенности с миром до того, как заглянул в зеркало, которое выделило индивида из окружающей среды в качестве отдельной единицы, лишенной свойств, как если бы нарцисс был Всем [1].

В 1913 г. один из ближайших соратников З. Фрейда, Э. Джонс, дает яркое клиническое описание личности человека, одержимого фантазиями о всемогуществе: верящего в то, что он является богом, имеющего фантазии о возрождении и сны об обновлении мира; такому человеку Джонс выставляет метафорический диагноз «Комплекс Бога». Так впервые в истории появляется название для «новой болезни души», так ее обозначает Ю. Кристева, которая в дальнейшем будет фигурировать под именем нарциссического расстройства личности, в разной степени своей проявленности определяющими детерминантами которой являются преувеличенный в своей значимости образ себя самого, эксплуататорский стиль межличностных отношений, когнитивная экспансивность, беззаботность и дефицит социального сознания.

Патологический нарциссизм (есть еще и здоровый) сейчас становится обыденной характеристикой личности в поле ее «мягкой» патологии или вообще просто характеристикой нормального состояния субъективности человека — это так называемая *нарциссическая личность*. Многое из того, что так важно для нарциссической личности (цели, смыслы, жизненные ориентиры), теперь декларируется в современном обществе как общепринятые стандарты.

Феномен нарциссизации идентичности современного человека имеет дуальную природу. Додивергентная основа обозначенного дуализма заключается в постулате: человек нашего времени стремится освободиться от оков своей идентичности. С одной (негативной) стороны, это тиражирование массового Я и, как следствие, стирание идентичности, которую отмечает Х. Ортега-и-Гассет, анализирувавший исчезающий предмет, распадающуюся и рассеивающуюся душу, существующую в плоском мире [10]. Он начал свою борьбу за личность человека против массовых форм; эта личность сейчас, спустя век, дошла до мировой виртуальной обезличенности. Маска, выбранная личностью для удобства контактов с социумом, как необходимая приспособительная функция во внешних интеракциях субъекта, утолщаясь и прорастая вглубь идентичности, со временем пре-

образуется в фальшивое Я. Собственное индивидуальное и неповторимое Я, составляющее основу идентичности, уже не существует, оно затеряно и запрятано в глубинах бессознательного психики. Все остальное пространство занимает некое тиражированное массовое Я, созданное как идеальный образец коллективного творчества данной индустриальной эпохи. Здесь глубина становится поверхностью, а поверхность кажется глубиной (как экран телевизора).

С другой, более позитивной, стороны, нарциссическая идентичность — это мультиплекс, представляющий из себя в высшей степени разнородный обогащенный конгломерат с дивергентным внутренним полем.

Идентичность современного человека, все более стремящегося к нарциссическому статусу, может быть определена в терминах трансверсальности: тысячи поверхностей, имеющих общее пересечение.

От трансверсального разума Вольфганга Вельша, обозначившего новое понимание разума в постмодернизме, в его разнообразии, беспорядочности и непостижимости бесконечной конкретности, имеющего функциональные возможности учитывать различия и единства между рациональными комплексами и гарантирующего право на существование противоречащих друг другу парадигм, есть возможность перейти к *трансверсальной идентичности*.

Отчасти этот переход был уже намечен самим В. Вельшем в проблеме соотношения разума и субъекта, где, как он отмечает, без трансверсального разума невозможна «удачная субъективность» по причине плюралистического устройства современного мира, в котором тождество объектов выражается трансверсальностью. Субъект Вельша — это совокупность множественных внутренних образов, который может организовываться через свою способность совершать переходы между частями своего тождества. В связи с открытыми новыми измерениями разума и субъективности акценты резко смещаются: «в современных дискуссиях о субъекте главным больше не является вопрос о рефлексивном открытии самости или дорефлексивном обладании самостью, а центральной становится проблема внутреннего плюрализма и возможной трансверсальности» [6. С. 24].

Фактически понятие трансверсальности по своему смыслу отражает «форму жизни, а не форму рефлексии», что весьма характерно для нарциссической реальности, в которой идентичность существует без собственных рефлексий.

Разнородность и разноплановость есть основа специфики организации субъективности современного человека нового типа в аспекте ее нарциссического типа социализации, нарциссическая идентичность и есть трансверсаль для сегодняшнего human being. Нарциссическая личность живет в ризоматическом лабиринте своей идентичности.

Ризома (в французском языке *rhizome* означает «корневище») — одно из ключевых понятий философии постструктурализма и постмодернизма, введенное Ж. Делезом и Ф. Гваттари в одноименной книге 1976 г. Ризома должна противостоять неизменным линейным структурам (как бытия, так и мышления), которые, по их мнению, типичны для классической европейской культуры. Наглядным образом для ризомы выступает запутанная корневая система растения. Согласно Ж. Делезу и Ф. Гваттари, у ризомы нельзя выделить ни начала, ни конца, ни цент-

ра, ни центрирующего принципа («генетической оси»), ни единого кода. По мнению авторов, ризома способна порождать несистемные и неожиданные различия, которые невозможно противопоставить по наличию или отсутствию некоего признака. Ризома включает в себя линии членения, «сравнительные скорости» движения по которым составляют ее организацию. Связи линий ризомы образуют так называемое «плато» — временную зону устойчивости в ее постоянно пульсирующей конфигурации.

Возможно, возникающее на фоне постоянных «пульсаций» плато можно назвать трансверсальной идентичностью современного человека, вокруг которой структурируется по ризоматическим законам субъективность. Именно такое объяснение может примирить точку зрения Фрейда на впервые достигнутую личностью (после стадии аутоэротизма) нарциссическую целостность с тем, какую высокую степень расщепленности и дезинтегрированности можно наблюдать в случае человеческой субъективности, живущей по преобладающе нарциссическим законам.

Нарциссическая реальность современности не вызывает сомнений. Каково ее лицо в наше время, которое мы видим уже не в отражении водной глади потока реки Донакон, где по свидетельству Павсания, на тростниковом ложе Нарцисс увидел свою сестру или, по Овидию, — себя самого? Сегодняшние отражения человеческой субъективности в зеркале мира — это продукты цивилизации; мы можем видеть их глобальные черты в культуре, в обществе, дополняя картину штрихами, полученными из выводов, сделанных в процессе теоретических осмыслений и анализа историй, рассказанных в процессе психоаналитической работы с сегодняшними пациентами.

Неоспорим факт, что искусство всегда обозначает ведущие и передовые направления в новых приобретениях homo sapiens, отвечая на вопрос: «Куда же мы идем?». Осенью 2009 г. в Москве проходила Третье Московское Биеннале Современного искусства под символическим названием «Против исключения». Объекты, представленные как экспонаты выставки, тщательно отобраны международными экспертами, специалистами в области современного искусства как лучшие из лучших, что может предложить современное человечество в форме авангарда. Эти произведения современного искусства, представленные на выставке, заставляют нас остановиться в удивлении и глубоко задуматься, что же происходит с внутренним содержанием нынешней личности. Что происходит с «человеческим» внутри человека?

В свое время Александр Дольский пел под гитару известную лирическую бардовскую песню, и в ней была такая строчка: «Разделились безвозвратно мы на женщин и мужчин...». Сегодня, посмотрев современные произведения искусства — полотна, инсталляции, скульптуры и фотографии, становится предельно очевидно, что человечество стремительно избавляется от половой дихотомии, оно больше не делится на женщин и мужчин. Нарушается основополагающий принцип образования человеческой идентичности, явно видна намечающаяся катастрофа в ядерной половой идентичности, где уже сейчас нормальным считается факт размытости границ между мужским и женским.

Имеющийся в виду «третий пол» как категория унисекс, не является ли он реализацией нарциссической мечты об андрогинии, о возможности иметь неограниченные сверхчеловеческие возможности? *Нарциссическую андрогинию* как степень нынешнего повреждения человеческой идентичности можно попытаться оценить по усиленной тенденции к разрушению бисексуальности человеческой природы, объединяющей в себе мужское и женское в диалектическом взаимодействии, с определенным доминированием одного начала в личности человека, предначертанного телесной детерминантой.

Возможно, ситуация с половым вопросом еще более сложная, и здесь можно отметить некоторые переключки с идеями Ж. Делеза и Ф. Гватарри о людях как о желающих машинах. «Микроскопическая транссексуальность, благодаря которой в каждой женщине столько же мужчин, сколько в мужчине, а в мужчине столько же женщин, способных проникать друг в друга, связываться друг с другом, вступать в отношения производства желания, которые переворачивают статистический порядок полов» [5. С. 465].

Данные личности, выступающие как желающие машины, обладают нечеловеческим полом, который нельзя представить как один или два пола; по мнению Делеза и Гватарри — это объединенное множество полов: «каждому по собственному многообразию полов» [Там же]. Так достигается аннигиляция чувствования человека, принадлежащего к определенному полу (мужскому или женскому) в процессе дефрагментации половой идентичности.

На эту ситуацию можно посмотреть под другим углом зрения. Теперь человечество, похоже, имеет другую основополагающую бинарность: люди и не люди. Эту двойственность можно трактовать как живое и мертвое, люди и вещи, объекты, суррогаты. Пространство живого и мертвого из внутреннего психического поля человека продолжилось в сферу внешнего, на сами субъекты и их связи.

Андреас-Саломе, конструируя понятие нормального нарциссизма, характерного для людей в их непатологических формах существования, приходит к выводу, что «нормальным» может быть как раз то, что флюктуирует в своих проявлениях вокруг разрозненных континуумов нормы: «Жизнь реальна тогда, когда выходит за границы своих фрагментаций» [1. Р. 16].

Сегодня же люди все больше стремятся быть вписанными в некие виртуальные (декларируемые культурой и данным сообществом) стандарты нормы — это важные факторы, соблюдение которых необходимо, хотя и не достаточно, чтобы быть преуспевающим в работе (это один из главных факторов благополучия человека в настоящее время). Мы делаем только то, что надо, наш каждый день расписан по минутам. Человек вынужден закатывать в бетон свои кажущиеся ему нерациональными желания, иначе выбьется из расписания. Человеческая личность в погоне за совершенством своего тела — инвестирует свое удовольствие от существования в молодость, сексуальность, красоту тела и его физическое здоровье.

Любопытный вариант простого решения данной задачи предложили создатели фильма «Суррогаты»: человеку не надо мучиться проблемой собственного

совершенствования и страдать от разочарований уходящей молодости, красоты и здоровья, которые так актуальны на сегодняшний момент; достаточно создать к своему изношенному, стареющему, выходящему из строя телу киборговый аналог, позволяющий иметь все то, что хочется иметь, действовать в реальности с помощью данного искусственно созданного тела и получать по специально организованным каналам все ощущения, которые чувствует нарциссическое продолжение (суррогат), оставаясь ветшать самому в темноте своей спальни.

Уже в 1968 г. в книге «Система вещей» Жан Бодрийяр красочно описывал ситуацию провала «человеческого» и движение в сторону нарциссической системы «человек—вещь»: «Собаки, кошки, птицы или канарейки своим трогательным присутствием означают, что человек потерпел неудачу в отношениях с людьми и укрылся в нарциссическом домашнем мирке, где его субъективность может осуществляться в полном спокойствии. Отметим попутно, что эти животные лишены пола (нередко специально кастрированы для жизни в доме), — подобно вещам, они бесполое, хотя и живые, именно такой ценой они могут стать аффективно успокоительными; лишь ценой собственной кастрации, реальной или символической, они способны играть для своего владельца регулятивную роль в отношении страха кастрации — ту роль, которая в высшей степени присуща и всем окружающим нас вещам. Ибо вещь — это безупречное домашнее животное. Это единственное «существо», чьи достоинства возвышают, а не ограничивают мою личность» [3. С. 100—101].

Постановка проблемы о конфликте взаимодействия живого и неживого в человеческой душевной реальности, конечно же, не датируется сегодняшним днем. Одним из ярких примеров литературного долгого эха мифа о Нарциссе (в варианте Павсания) является роман Юрия Олеши «Три толстяка», написанный в 1924 г. [9]. Кукла наследника Тутти была точной копией Суок, родной сестры мальчика, с которой Три толстяка разлучили его в самом детстве. Здесь явно в имплиците звучит тема потери Нарциссом своей сестры и поиск ее в отражении реки Донакон, где они вместе охотились, если верить Павсанию. Чтобы вырастить своего приемного сына жестоким и бесчеловечным, Толстяки подменили живую девочку механической моделью, которая и стала объектом любви мальчика. Эта история превосходно иллюстрирует идею нарциссической организации личности, роль объекта привязанности и его «патологическое» использование в ней. Разлученный со своей сестрой в раннем детстве, Тутти вряд ли мог удержать в памяти ее интернализированный образ и свою любовь к ней, но у него был неживой материальный объект, заменяющий его сестру, на что и были направлены его самые ранние чувства. Разумеется, Три толстяка не могли сами окружить ребенка заботой (на то они и злодеи), поэтому дальнейшее объектное развитие психической структуры мальчика не могло произойти. Внутренний объект навсегда застыл в стадии «вещи», что в дальнейшем приведет к существованию предполагаемых внутренних суррогатных объектов в идентичности.

Наблюдаемая при нарциссизме тяга к аннигиляции инаковости ставит ребром проблему: насколько эта личность будет себя чувствовать живой, зависит от объема идентификаций с внутренними неживыми объектами.

Складывается впечатление, что, разрушив ядро своей половой идентичности, человек стал не живым, не организмом, не субъектом, а объектом, вещью. Избыток нарциссизма во внутренней экономике психического порождает странные формы существования «человеческого» — становление человека суррогатом. Сбылось имплицитно заложенное «предсказание» Жюль Делеза и Феликса Гватарри о наступлении эпохи нарциссизма, которое они высказали, развивая свою концепцию шизоанализа, предлагая к дальнейшему осмыслению идею Атонена Арто о полных телах без органов, которую они экстраполировали от специфически организованной телесности на область психического.

Данный вывод может быть обоснован следующими фактами. М. Фуко в предисловии к «*Анти-Эдипу*» Делеза и Гватарри говорит о противостоянии философской позиции авторов фашизму. Фашизм есть лишь доведенная до крайности в своих проявлениях составляющая патологического нарциссизма человеческой души, проявленная вовне в социальных контекстах. Поэтому стоит отметить, что противопоставление, выраженное в их идеях, носит гораздо более широкий смысл. Философский дискурс Делеза и Гватарри содержит в себе виртуальные линии, направленные в будущее, ставшее сегодня настоящим, и обнажают суть происходящей нарциссизации культуры и социума, высвечивая нарастающие нарциссические тенденции трансформаций человеческой субъективности.

Рассуждая на тему машинерии человеческого желания, Делез и Гватари постулируют, что именно «желающие машины делают нас организмом», живыми людьми, испытывающими влечения и наполненными желаниями. В этой конструктивной модели внутренняя суть психических процессов рассматривается по аналогии с производством. Но на «фабрике человеческой вселенной» может случиться сбой и желаящая машина «скатится до полного тела» [5. С. 22]. В их текстах звучит символизированное до степени абстракции определение крайнего в своих негативных проявлениях нарциссизма, рожденное на парадигмальном стыке философии и психоанализа: «Полное тело без органов — это само непроектируемое, стерильное, непорожденное, непотребляемое. Антонен Арто открыл его там, где оно было, без формы и без образа. Инстинкт смерти — таково его имя...» [Там же]. Такое тело теряет антропоморфный характер репрезентации, становится «нечеловеческим», т.е. безразличным к определению через род, вид или субстанциональную форму, оно есть сама Природа.

Наверное, из этих намечающихся тенденций будущих решений человеческих проблем и берется внутренний душевный протест, название которого звучит как «Против исключения».

Что должно быть исключено, а что оставлено? «Человеческое» из внутренней сущности человека? Люди, ставшие киборгами в тоске по обычному человеческому, по простым человеческим мечтам и потребностям, начинают создавать творения из отходов человеческого существования: пробок от бутылок, старых канистр, скотча. Нам знакома эта игра, так играют дети во дворе, собирая попадающиеся им под руку фантики, осколки цветного стекла, выброшенные после прошедшего нового года елочные украшения. Дети используют все эти драго-

ценности в своих важных детских целях — творя игру («секретики», куличики, «дочки-матери»). Еще на упомянутом биеннале есть впечатляющая инсталляция Чираку Шиоты. Это небольшое помещение, все опутанное геометрически правильной металлической паутиной, в центре которой — сгоревший в пожаре рояль и стул. Стоя в центре этого современного произведения искусства, невольно думаешь: «Мы сожгли свою способность играть? Быть в душе детьми, спонтанно переживающими чувства и испытывающими сонмы желаний? Мы теперь больше объекты, чем субъекты?»

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Andreas-Salome L.* The Dual Orientation of Narcissism // *Psychoanal. Quarterly* 31. — 1962.
- [2] *Lasch Chi.* The Culture of Narcissism. — New York, 1979.
- [3] *Бодрийяр Ж.* Система вещей. — М., 2001.
- [4] *Валь Г.* Теория нарциссизма // *Мертенс В.* Ключевые понятия психоанализа. — СПб., 2001.
- [5] *Делёз Ж. Гваттарри Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. — Екатеринбург, 2008.
- [6] *Кузьмин А.А.* Трансверсальный разум как базовая ценность современной культуры // *Вестник Новгородского государственного университета.* — 2004. — № 27.
- [7] *Ларошфуко Ф. Де.* Мемуары. Максимумы. — М., 1994.
- [8] *Литовецки Ж.* Эра пустоты. — СПб., 2001.
- [9] *Олеша Ю.* Три толстяка. — М., 2006.
- [10] *Ортега-и Гассет Х.* Анатомия рассеянной души. Пио Бароха. Древо познания. — М., 2008.
- [11] *Фрейд З.* О нарциссизме // *Очерки по психологии сексуальности.* — Мн., 2001.

TRANSVERSAL IDENTITY AND MODERN NARCISSISTIC REALITY

O.N. Pavlova

Department of Psychology
Faculty of Psychology of Social Work and Counseling
Catherine the Great National Institute
Krasnokazarmennaja str., 14a, Moscow, Russia, 111250

One can describe the modern world in coordinate system its basic settings are variability of objective reality, pluralism, «rational chaos», difficulty and nonlinearity of human being activity, scientific paradigmatic rhizome. Now the identity has transversal character in connection with transformations of reality: thousands of surfaces having common crossings. Lying in the base transversal is negative narcissism that is the reason of increasing narcissistic tendency in human being subjectivity.

Key words: transversal, narcissism, narcissistic personality, psychoanalysis, androgyny, subjectivity, schizoanalysis.